

УДК 03.01.09

ГРНТИ 03.23.55

**Проблема исторической ответственности исследователя в изучении детских
дневниковых записей периода ВОВ (на материалах дневников Люси Хордикайнен и
Леры Игошевой)**

**The problem of historical responsibility of the researcher in the study Children's diary
WWII period (the diaries by L. Hordikaynen and L. Igoshev)**

*Пестравская Полина Анатольевна,
бакалавр IV курса кафедры истории народов стран СНГ
ФБГОУ ВО «Санкт Петербургский государственный университет»
Санкт-Петербург, Россия,
pestravskaya@rambler.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются критерии ответственности современных исследователей дневниковых записей детей — очевидцев событий военных лет (1941-1945 гг.). Особое внимание автора статьи привлекают источники личного происхождения, среди них «Жизнь в оккупации. Пушкин, Гатчина, Эстония. Дневник Люси Хордикайнен». (СПб., 1999).

Abstract

The article examines the criteria for liability modern researchers diary entries of children — the witnesses of events of the war years (1941-1945). Particular attention is author of the article attracted the sources of personal origin, for example — «Life in the occupation. Pushkin, Gatchina, Estonia. Blog Hordikaynen Lucy». (SPb., 1999).

Ключевые слова: проблема ответственности исследователей; Великая Отечественная война; оккупированные территории; Блокада Ленинграда; детские дневники.

Key words: the problem of responsibility of researchers; The Second World War; the occupied territories; Leningrad blockade; children's diaries.

В XXI в. отношение мирового сообщества к прошлому приобрело обостренный характер. Вместе с лавиной рассекреченных и обнародованных документов о Великой Отечественной войне встала достаточно болезненная проблема пересмотра итогов Второй мировой войны и роли в ней СССР. Именно в такой ситуации появляется особая необходимость не просто тщательного изучения фактов о великой войне, но и наиболее ответственного подхода в исторических исследованиях прошлого страны.

Центральное место в круге исторических источников по теме принадлежит дневниковому наследию. Дневники обычных людей, «среднестатистических» советских граждан, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны, определяются как малочисленная группа источников. Если дневниковые записи видных общественно-политических деятелей, писателей, ученых известны давно, то внимание к дневникам простых соотечественников – явление последнего времени. Представленные в архивах России буквально единично, а в лучшем случае – десятками, дневники уступают в количественном отношении такому ценному массовому историческому источнику как письма военных лет. Но, в отличие от последних, не обреченные на прохождение сквозь «сито» военной цензуры, дневники освещают широкий спектр настроений и жизненных ситуаций, хорошо отражают динамику событий и личных переживаний. Отличаясь по своему функциональному назначению от всех других источников личного происхождения, дневники обладают многообразным, уникальным потенциалом, поскольку в годы войны они выполняли множество функций, главными из которых являлись фиксация важных для автора событий, впечатлений, фактов, а также его эмоциональная разрядка.

Детские военные дневники стоят в этом ряду особняком. В них отличный взгляд на жизнь: в них почти не встречается чувство страха, зато проступают непосредственное любопытство, интерес к жизни и, невзирая ни на что, ожидание лучшего будущего, хотя есть и пессимизм, бессилие, отчаяние, как у взрослых. Опубликованные дневники детей периода военного времени — ценный исторический источник личного происхождения. Их не так много: дневники Анны Франк, Миши Тихомирова, Юры Рябинкина, Леры Игошевой, Васи Баранова, дневник Люси Хордикайнен». Данный вид источников важен и значим прежде всего тем, что события трагических дней и лет описываются с точки зрения подросткового восприятия. Глазами, например, Люси Хордикайнен мы видим многие грани жизни в условиях войны, и именно это представляет для историка особую ценность.

Девичьи дневники подростков носят во многом исповедальный характер в силу особенностей пубертатного периода, наложенного на сложность времени военных действий. Девочки-подростки вследствие психологических возрастных особенностей используют дневники не столько для фиксации событий эпохального значения, каковой являлась война

1941-1945 гг., сколько для излияния личных чувств, необходимых для обретения душевного спокойствия. Обладая к 13-14 годам базовой начитанностью, включающей в себя и произведения сентиментального характера, героини которых обычно ведут дневники, девочки хотят создать и в собственной жизни романтический флер с помощью такой доступной детали, как дневник. Необходимость в неприкосновенном личном пространстве зачастую и является мотивом ведения дневника. Наряду с излиянием собственных чувств девочка – подросток уже более глубоко и осмысленно подходит к выбору жизненных событий, которые отражает в своем дневнике. Поэтому среди детских дневниковых источников девичьи обладают смысловой целостностью и более-менее оформленным стилем написания.

Дневник Леры Игошевой – это, скорее, свидетельство страшных мук блокадного голода, нежели чувственные излияния. Детям гораздо труднее, чем взрослым, было перетерпеть голод, они ещё не умели заставлять себя, уговаривать, и оттого больше страдали. Вот почему так много строк и страниц в их дневниках посвящено мыслям о еде, продуктах, иногда о чудовищных ситуациях выживания. В ноябре 1941 г. Лера Игошева, девочка 14 лет, пишет в своем дневнике: «Недавно произошло нечто и приятное, и очень мерзкое, нехорошее: Папа принес кошку – да, живую кошку принес в портфеле домой. Раньше у него был разговор, обычно полушутливый, что, возможно, придется есть кошек, но дальше шутки не шло. Я обмерла. Папа сказал, что очень хочет есть, а потому принес для себя, и чтоб я не волновалась. Я не могла выдержать непреодолимое чувство отвращения, гадливость наполняла меня, я расплакалась и уехала к Маме» [1, 75]. Слова «Папа» и «Мама» Лера пишет с большой буквы. В ее дневниковых записях прослеживается мысль о том, что, испытывая многие страдания, человек начинает ценить то, что раньше казалось простым и обыденным. Родители стали ей очень дороги, потому что остаться одной, значит умереть. В декабре 1941 г. Лера записывает: «Голод в городе ужасный. Есть нечего. Хлеба 125 г. в день, продуктов мало и, главная беда, – не достать. С 1-го введут прикрепление – надеюсь, что будет лучше» [1, 75]. Затем наступили особенно голодные дни. Лера пишет, что в магазинах ничего нет, дома тоже почти ничего. «Кошек, видимо, ели далеко не одни мы. Сейчас на улице не встретишь ни одной, даже самой паршивой и тощей <..>. Мы по совету сейчас печем и едим лепешки из клея декстрина (Папа достает через работу) с пайковым хлебом. Получается хорошо, поддержка большая, но все еще мало <...>. Сейчас вводим еще один необычный продукт – дафнии. Папа узнал от научных работников, что можно варить суп из рыбьего корма – дафний (я же проходила их по зоологии). Они продаются (вернее – пока продаются) в зоомагазине по 40 рублей кг. Папа купил 5 кг, и вот мы пробуем» [1, 76]. Тема голода в детских дневниках блокадников – основная. Смерть уже стала массовым обыденным явлением, ее прихода можно было ожидать в любой момент, а потому этого не особо пугались.

Подобная конкретизация деталей быта в оккупированном Ленинграде, изложенная свидетелем событий, подростком, записывающим в дневник все самое важное, с его точки зрения, дает возможность опровергнуть всевозможные фальсификации в интерпретации военного прошлого страны. Текущая оценка во многом определяет и наше видение картины прошлого.

Дневник Люси Хордикайнен — самый объемный исторический источник по сравнению с другими дневниковыми записями детей в военное время (148 с.). Его документальная ценность состоит в том, что девочка-подросток вместе со своей сестрой-близнецом ведет дневник систематически на протяжении всего периода военного времени (с 29 апреля 1940 г. по 9 мая 1945 г.), подробно описывая будни своей жизни в оккупации. Поскольку семья Хордикайнен проживала до войны в Пушкине, который в 1941 г. оказался оккупированным, дневник с высокой степенью достоверности отражает атмосферу оккупационного режима, политику фашистов на оккупированной территории. Записи в дневнике сопровождаются комментариями сестры Люси (Софьи Нуриджановой — Зоси), дневник которой был когда-то утерян. Поэтому комментарии С.Нуриджановой к изданному дневнику сестры не только не нарушают документальной ткани дневниковых записей, но, наоборот, дополняют детские зарисовки будней в оккупации, вносят ясность в некоторые сомнительные для исследователя эпизоды. Кроме того, С.Нуриджанова использует в комментариях оставшиеся у нее документы того времени, которые тоже имеют документальную силу, тем самым увеличивая фактологическую ценность дневника сестры как исторического источника.

Структура дневника Л.Хордикайнен проста: семь дневниковых тетрадей периода оккупации 1941-1945 гг. (Пушкин — Гатчина — Эстония), которые переданы Центральному государственному архиву литературы и искусства Санкт-Петербурга в фонд Ю.Ф. Тихомировой (матери сестер Хордикайнен). Композиционно дневник не разделен на какие-либо тематические подзаголовки, поэтому были выбраны основные темы повествования, которые наиболее полно и подробно отражены в заметках Люси и которые вызывают наибольший интерес для исторического исследования: 1) мотивы написания дневника в военное время; 2) история семьи Хордикайнен, их жизненные принципы и ближайший круг общения; 3) организация оккупантами трудовой повинности и жизнеобеспечения на подконтрольных территориях и отношение автора дневника к немцам; 4) отражение в дневнике военных действий; 5) бытовые проблемы и особенности социума в зоне оккупации.

Помимо сведений о ближайших родственниках мы узнаем и о дружеском и общем (дальнем) круге общения семьи. Например, друзьями родителей Люси были: журналист и общественный В.А. Поссе (1864-1940); историк и краевед Н.П. Анциферов (1889-1958); историк медиевист и краевед И.М. Гревс (1860-1941) с супругой. Среди друзей семьи

упоминается и художница Н.К. Бриммер (ур. Фан-дер-Флит) (1901-1998), и М.А. Сидорова (1882-1947), учредительница частного 8-классного коммерческого училища М.А. Шидловской, и многие другие люди, составлявшие цвет отечественной науки, образования и искусства. Люси старается подробно описать и тех людей, с которыми семья свела война.

Судя по записям Люси о требованиях матери постоянно заниматься самообразованием и развитием, семья Хордикайнен и ее окружение не были темными, необразованными прихожанами, которые в своей слепой набожности становились религиозными фанатиками. Напротив, это образованные люди, постоянно растущие духовно даже в тяжелых условиях изнуряющего физического труда и морального давления со стороны оккупантов, это патриотично настроенная в душе интеллигенция, пережившая до войны репрессии, отсидевшая и продолжавшая в годы оккупации стойко бороться вместе с детьми за выживание.

На страницах документа сохранился распорядок дня семьи Хордикайнен как в мирное время, так и в дни войны. Особое внимание уделялось труду и воспитанию. В воспоминаниях Люси не осталось кровавых сцен расстрелов, повешенных гатчинцев. Для нее время в Гатчине было «сплошным выживанием», но это был «некий мирный островок в море войны». В дневнике речь идет о ежедневной борьбе за пропитание в оккупационных буднях, о стойкости духа членов семьи: «отец Толи [мальчик из дома №3] приглашает нас идти за мукой. Я и Андрей против воли папы, и мамы идем. Идти опасно. Снаряды свищут и рвутся, но мы идем» [2, 29].

Не вызывает сомнения, что исследователей в этом дневнике заинтересует отношение девочек к молодым немцам, условия работы на них. Необходимо отметить, что ценность документа обусловлена еще и тем, что он вообще лишен оценочных суждений политического или идеологического характера и поражает своей бесхитростной детской интонацией.

Будучи уже в Эстонии, Люся приводит сцену разговора с одним немцем, который, общаясь с ней, говорит о том, что среди них есть и хорошие люди, и нелюди. Однако есть записи и такого характера «В эту же зиму в Пушкине ... немец на улице велел мне снять валенки. Бабушкины, большие, серые, подшитые. До дому я добежала в носках...» [2, 88].

Из дневника мы узнаем, что существовало некое немецкое общество «Пропаганда», созданное немцами на оккупированной территории, чтобы вести разъяснительную работу среди населения о спасительной миссии немецкой армии от «большевистского ига». Работники этого общества не только раздавали пайки, но и участвовали в разрешении различных конфликтов на подконтрольной им территории.

Снисходительное отношение большинства немцев к оккупированному населению вовсе не освобождало никого от трудовой повинности. «18 VII [1942]. Мы устроены на работу. Вот

уже два дня, как за нами приходит немец и берет 30 человек, в числе которых и мы. Работа трудная: надо копать землю или носить доски. В первый же день нас, меня и Зосю, послали к немцам убирать землянки» [2, 9].

Записи 1943 г. носят весьма тревожный характер: «30 IV 43. Я нахожусь в страшно плачевном состоянии. В городе вывешен приказ об осмотре всех лиц с 14-27 [-летнего] возраста, и все, признанные годными отправляются на работу. Куда? Неизвестно. Одни говорят — в Псков, другие — в Германию, на лесозаготовки, и в общем никто не знает. Я стараюсь не думать обо всем этом, но, как только вспомнишь, сердце уходит в пятки. Что там будет? Зося говорит, что разлука будет тяжелая...» [2, 43].

После этого появляются записи о тех, кто мог доказать свое немецкое происхождение и уехать. Их называли «фольксдойтчами» («народ немецкий»). Из числа знакомых и родственников, принявших решение уехать, Люся называет фамилию Разумника. В комментариях к дневнику С.Нуриджанова пишет, что «сейчас мы не в состоянии даже отдаленно представить себе трагизм этого выбора» [2, 3].

Записи Люси от октября 1944 г. идут сообщения о том, что много немецких частей уехало или спешно, собираются уезжать, а девушки остались без работы. Части забирают с собой очень мало людей. Все юноши от 14 лет отправлены работать в Вырицу или Любань. «У нас из запретной зоны уехали все немцы и увезли все снаряды. Дров теперь можно доставать сколько угодно, если знать, что мы останемся. На днях увезли все финские семьи из Загвоздки — это уже Гатчина. Мама купила у них по 30 р. кг ржи 14 кг» [2, 128].

Исходя из более поздних записей очевидно, что семья Хордикайнен попадает на остров, в деревню Колпино, а затем с огромными трудностями перебираются в Эстонию.

На страницах дневника, относящихся к 1941 г., отражена реакция членов семьи на военное время. Вот как Люся описывает мародерство в городе: «В городе все заняты обчищением магазинов. Но нас мама с папой не пускают, говоря, что это нечестно, нехорошо. Подвальные [из дома №3] едят пирожки с капустой, конфеты, мужчины курят табак. Однажды утром дядя [пропуск], отец Толи [мальчик из дома №3] приглашает нас идти за мукой. Я и Андрей против воли папы, и мамы идем. Идти опасно. Снаряды свищут и рвутся, но мы идем» [2, с. 9]. Напряженная ситуация с продовольствием тоже постоянно находится в поле зрения Люси, например, в записи от 26 сентября она отмечает: «Из продажи исчезли все продукты. Были введены карточки. Мне полагалось 400 граммов хлеба. Этого было мало нам, и начали сбавлять, сначала – 300 гр, потом – 250, а потом – ничего. 29 июля мы поступили на работу, на полку. Перед этим папу сократили, и он только иногда ездил в Ленинград возить дорогие вещи» [2, 18].

1942-ой оказался годом переезда на новую квартиру, что было связано с тактикой немецких войск, объявлявших запретной зоной все новые и новые кварталы города. Люся пишет: «Когда мы жили на Колпинской — теперь улица Пушкинская, — то противоположная нашей четная сторона считалась запретной зоной. Теперь запретной зоной стали следующие два квартала. Пришлось искать новое жилище» [2, 23].

В 1943 г. в результате бомбежки ранило отца, который скончался. Май 1943 г. отмечен частыми записями о массированных налетах советской армии: «22.V 43 Но вдруг опять самолет, и бомбы стали сыпаться совсем близко. Дом наш трясся. Я, точно сумасшедшая, выскочила в кухню, вопя: "Мамочки! Мамочки!" Напротив нас тоже упала бомба, и несколько человек ранило» [2, 33].

О постоянных бомбежках Люся пишет и в 1944 г., когда появляются на улицах немецкие листовки: «23.4.44. прислали листовку от имени немцев и на немецком языке. Смысл заключается в том, что Гитлер – преступник в политике. Что война проиграна, что немцы потеряли сотни тысяч солдат и положение таково, что война может пойти на немецкой земле и что выход из окончательного разорения Германии и погибания других миллионов немцев может быть в окончании войны и отречении Гитлера – подписано «Свободная Германия» [2, 92].

Ожидание мира сопровождается лишь фиксацией в дневнике официальных сообщений, по которым Люси не решается делать какие-либо выводы. Например, в конце апреля 1945 г. в дневнике такая запись: «Вчера сообщили по радио, что умер Рузвельт от излияния крови в мозг. Говорят, что на ведении войны — это не может отразиться, но на условиях Мира – возможно» [2, 143].

Некоторые бытовые подробности тоже присутствуют в дневнике. Именно они создают ощущение реального времени, свидетельствуют об исторической достоверности зафиксированного девочкой, дают возможность сопоставить официальные данные статистики того времени. Например, Люси очень точна в ценах на продукты, в расценках за работу и скрупулезно протоколирует подобные данные. «Всего за работу-прополку мы получили 135 рублей, а за прочистку – каждый по 95. Продуктов нет. Картошку воруют страшно. Мы решили выкопать ее всю. Мы покупаем морковь и капусту на солку. Купили 40 килограммов в садоводстве у бани» [2, 19]. Некоторые данные из источника даже содержат примитивный анализ экономической ситуации: (1941 г.)«бабушке же Устинье давали два-три рубля. Тогда на них можно было купить три килограмма хлеба, теперь же — стакан клюквы нельзя» [2, 8].

Бытовые подробности жизни на оккупированной территории тоже могут представлять интерес для воспроизведения более детальной социальной картины происходящего в жизни людей. «Продуктовая тема» наиболее часто затрагивается автором в записях. И это

неудивительно: самые простые продукты давались тяжелым трудом и ценились на вес золота. Люся всегда внимательна к деталям и тщательно записывает незатейливое меню семьи, которое чаще всего состоит из картофельных оладий или крупяного супа. В сравнении с этим пасхальное меню – действительно праздник, к которому люди старались приберечь нечто ценное, чтобы ощутить не только духовный подъем, но и порадовать себя «деликатесами» военного времени.

Таким образом, глазами девочки-подростка, умной и сметливой, внимательной и ответственной, чувствительной и сострадающей, ставшей непосредственным свидетелем исторических событий, перед нами в деталях предстала картина жизни людей, оказавшихся на оккупированной территории. Именно поэтому дневник нуждается в самой серьезной проработке деталей, в исследовании и сопоставлении фактов, в изучении недостающих материалов для полной картины происходящего.

В последнее время все острее назревает необходимость разрешения проблемы коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. Людей, оказавшихся на оккупированных территориях, огульно обвиняют в пособничестве врагу. И лишь принципиальная позиция исследователей, руководствующихся исторической ответственностью, может способствовать восстановлению справедливости. Дневник Л.Хардикайнен – убедительное свидетельство того, что под пятой оккупантов оставались и преданные Родине люди, сила духа которых подпитывалась верой в Победу и великими нравственными традициями народа.

Литература:

1. Детская книга войны – Дневники 1941-1945. М.: «Аргументы и факты», «АиФ. Доброе сердце», 2015.
2. Жизнь в оккупации. Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордикайнен / Подгот. текста, предисловие, комментарии, примечания С.А. Нуриджановой (Хордикайнен). СПб.: СПбГУ, 2006.